всем подавах",[1] но это не может относиться к иерусалимскому королю Балдуину Фландрскому.

Между тем, по рассказу Даниила, выходит так, что он имел совершенно свободный доступ к королю и последний просто разговаривал с ним, потому что, по мнению Даниила, Балдуин „мужь благ и смирен, и не гордить ни мало".[2]

На самом деле в окружении Балдуина не было такой патриархальности и простоты. Его предшественник по иерусалимскому королевству и родной брат Готфрид Бульонский называл себя dux — „вождь", „предводитель"; он был только chef seigneur (старший сеньёр) среди новоявленных палестинских феодалов. Балдуин именовал себя в официальных актах „божьею милостью первый латинский король Иерусалима", потому что был коронован на иерусалимский королевский престол патриархом в соборной церкви Вифлеема.

„Балдуин I, — пишет историк, — был великолепным королем, окруженным величественной свитой рыцарей и слуг, въезжавшим в палестинские города, как пишет хронист Вильгельм Тирский, величественный в походке, важный по наружности и в разговоре, всегда облеченный в ниспадающую с плеч мантию, так что более казался епископом, чем мирским лицом".[3]

Если в такой обстановке русский игумен оказывается близко знакомым королю, то возникает вопрос: не использовал ли великий князь Святополк Изяславич паломничество Даниила в дипломатических целях и не пошел ли иерусалимский король навстречу этим целям? В условиях современности эти цели для них обоих могли быть и военно-политические, как полагаю я, и религиозно-политические, как думает Д. С. Лихачев, высказавший такое мнение при обсуждении настоящего вопроса на заседании Сектора древнерусской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР 23 марта 1953 года. Но об этом можно говорить только в гипотетическом плане, поскольку прямых данных, которыми возможно было бы более или менее твердо обосновать наши суждения, нет в документальной истории.

Не углубляя пока этого вопроса, я все же считаю, что Балдуин I не спроста „познал добре" безвестного русского игумена.

Далее возникает вопрос: владел ли Даниил греческим языком, столь необходимым для путешествия по Палестине в XII столетии?

Автор одной из западнорусских переработок его произведения, в списке XVIII века, ответил на него положительно. Он вставляет в изложение сообщение, что игумен лавры св. Саввы, Арсений, подарил Даниилу греческую книгу, которую тот перевел „на свой язык русский", и поясняет: „Понеже в святом граде Иерусалиме вси граждане иерусалимскии языком греческим глаголют и по всех церквах все книги суть греческии, такоже и духовная отправления".[4]

По общему направлению киевской образованности и школьного обучения того времени греческий язык, так же как и латинский, мог быть знаком Даниилу еще до путешествия в Палестину, почему он и становится во главе дружины паломников. В Иерусалиме он прожил

---

[1] Норов, стр. 3.
[2] Там же, стр. 139.
[3] Гастон Додю. История монархических учреждений в Латинском Иерусалимском королевстве. Перевод с франц., СПб., 1897, стр. 125.
[4] М. Веневитинов. Заметки к истории „Хождения" игумена Даниила. ЖМНП, 1883, май, стр. 11.